

НЕОКОНЧЕННЫЙ ОТРЫВОК

I

Ну, время песен о любви, ты вновь
склоняешь сердце к тикающей лире,
и все слышней в разноголосном клире
щебечет силлабическая кровь.
Из всех стихослагателей, со мной
столь грозно обращаешься ты с первым
и бьешь календарем своим по нервам,
споласкивая легкие слюной.

Ну, время песен о любви, начнем
раскачивать венозные деревья
и возгонять дыхание по плевре,
как пламя в позвоночнике печном.
И сердце пусть из пурпурных глубин
на помощь воспаленному рассудку
— артерии пожарные враскрутку! —
возгонит свой густой гемоглобин.

Я одинок. Я сильно одинок.
Как смоква на холмах Генисарета.
В ночи не украшает табурета
ни юбка, ни подвязки, ни чулок.
Ища простой женоподобный холм,
зрачки мои в анархии бессонной
бушуют, как прожекторы над зоной,
от мужеских отгалкиваясь форм.

Кто? Бог любви? Иль Вечность? Или Ад
тебя послал мне, время этих песен?
Но все равно твой календарь столь тесен,
что стрелки превосходят циферблат,
смыкаясь (начинается! не в срок!),
как в тесноте, где комкается платье,
в немислимое тесное объятье,
чьи локти вылезают за порог.

II

Трубит зима над сумраком полей
в фанфары юго-западного ветра,
и снег на расстояньи километра
от рвущихся из грунта тополей
кружится недоверчиво, как рой
всех ангелов, над тем, кто не безгрешен,
исследуя полдюжины скворешен
в трубу, как аустерлицкий герой.

Отходят листья в путь вся земля,
и ветви торжествуют над пространством.
Но в мужестве, столь родственном с упрямством,
крах доблести. Скворчиные кремли,
вы брошены! и клювы разодрав —
крах доблести — без ядер, без патронов
срываются с вороньих бастионов
последние защитники стремглав.

Пора! И сонмы снежные — к земле.
Пора! И снег на кровлях, на обозах.
Пора! И вот на поле он, во мгле
на пнях, наполеоном на березах.

1964—1965
Норенская